

კავთარაძე, გ. ლ.

По поводу рецензии М. В. Андреевой

Нам, вероятно, следует выразить свою благодарность М. В. Андреевой, взявшей на себя труд рецензирования нашей книги, посвященной вопросам хронологии археологических культур Грузии эпохи энеолита и бронзы (1), но, вместе с тем, с сожалением должны заметить, что обширная рецензия М. В. Андреевой содержит ряд досадных неточностей и искажений способных ввести в заблуждение неосведомленного читателя. Считаем своим долгом обратить на них внимание, тем более, что они создают впечатление будто рецензируемая книга с методологической точки зрения порочна, а по содержанию необоснована.

В своем ответе мы, в основном, придерживаемся той последовательности обсуждения, которая имеется в рецензии.

Уже в начале рецензии читаем: “Как следует из названия работы, автор поставил перед собой задачу совершенно оригинальную - собрать воедино и систематически исследовать хронологические данные для различных эпох истории Грузии, от раннего энеолита до позднего бронзового века” (1, с. 273). Напоминая о том, что наша книга называется - “К хронологии (а не - “Хронология”! - Г. К.) эпохи энеолита и бронзы Грузии” (2) - заметим, что пересмотр абсолютного возраста памятников определенного хронологического этапа, неминуемо связан с рассмотрением вопросов хронологии предшествующих и последующих периодов. Тем более при удревнений датировок с помощью калибрационных кривых, когда зачастую исправленные значения 14C (радиоуглеродных) дат изучаемого периода накладываются на традиционные, т.е. неисправленные 14C даты предшествующего этапа, а с последующим этапом - если не пересмотреть его хронологическое положение - образуется разрыв. Так что, думаем, весьма “оригинально”, с методологической точки зрения, было бы именно рассмотрение хронологии какого-либо отдельного периода, без хронологической увязки со смежными периодами.

Странное впечатление оставляет ход рассуждений М. В. Андреевой: “Большую часть введения занимает историографический очерк, посвященный истории возникновения и развития метода уточнения радиоуглеродных дат с помощью калибрационных кривых...” и затем там же, “Основная цель этого экскурса (нигде не сформулированная, но выясняющаяся из дальнейшего содержания книги) - показать возможность использования калиброванных дат для установления хронологии археоло-

гических культур Кавказа” (1, с. 273). Но это не так; “основная цель” введения выясняется не из дальнейшего содержания книги, а из самого введения, заключительная часть которой посвящена, к тому же, исключительно значению установления хронологии археологических культур Кавказа и, в частности Грузии, там же приводятся и все 14С даты памятников Грузии рассматриваемых эпох, в том числе и с калиброванными значениями (2, с. 25-38). Кроме того в вышеприведенной цитате удивляет употребление слова “экскурс” (т.е. слова со значением - “отступление от главной темы изложения”) по отношению к вопросу, которым начинается и, что самое главное, на котором, в первую очередь, основывается рецензируемая книга - вопросу о необходимости использования 14С дат с их исправленными значениями, что и дает нам возможность пересмотреть существующую хронологическую систему. Кстати, рецензент упомянутый термин употребляет и в другом контексте, когда “экскурсом” называет “предпринятый (нами - Г. К.) обзор различных, подчас взаимоисключающих, точек зрения на место отдельных групп памятников в системе кавказских древностей” (1, с. 279). Это тем более удивительно, что сама рецензент определяет жанр книги в целом как “критическую историографию” (1, с. 276).

По мнению рецензента, использованная нами калибрационная кривая Р. М. Кларка является наиболее современной из существующих в настоящее время кривых (1, с. 273), но будучи таковой в конце 70-х годов, когда писалась наша книга, эта кривая давно уже не считается “наиболее современной”. Более новыми являются, например, калибрационные кривые Дж. В. Персона и др. и Дж. Клейна и др. (3; 4).

М. В. Андреева проявляет, на наш взгляд, незавидное постоянство, продолжая обозначать радиоуглеродные даты символом С14, тогда как общеизвестно, что таким образом обозначены радиоуглеродные даты в тех трудах, где они используются в традиционном, стандартном, неисправленном значении, а в работах, учитывающих факт существования калиброванных дат, и к которым несомненно причисляется и рецензия М. В. Андреевой, во избежание путаницы необходимо употреблять символ 14С.

Рецензент нам противопоставляет наше же собственное мнение, когда пишет, что “При исправлении дат по С14 возникает одна существенная трудность: кривая Р. М. Кларка, как и все другие кривые, не содержит данных для калибрации дат старше 6500 лет, т.е. мы до сих пор (курсив наш - Г. К.) не можем получить научно достоверные данные об исправленных значениях дат по С14 для древнейших памятников энеолита Кавказа (культура Шулавери - Шому тепе). Однако Г. Л. Кавтарадзе считает (и тут приводятся наши слова - Г. К.) “возможным получить исправленные даты и старше 6500 лет, экстраполируя данные кривой Кларка (с. 26).” (1, с. 273). М. В. Андреева создает впечатление, будто мы скрываем сущность вопроса, проясняемую ею, а между тем, рассуждения рецензента повторяют содержание того нашего предложения, из которого вырвана вышеприведенная наша же цитата. Приведем это предложение целиком: “Поскольку пред-

ლაგаемый труд в некотором смысле носит характер опыта, а полученные нами значения исправленных дат условны и временны, мы сочли возможным получить исправленные даты и старше 6500 лет, экстраполируя данные кривой Кларка, несмотря на то, что существующие калибрационные кривые и таблицы, как уже отмечалось выше (см. также 2, с. 25 - Г. К.) не содержат данных для перевода в календарные годы радиоуглеродных дат древнее 6500 лет. Естественно, что калиброванные значения указанных радиоуглеродных дат, полностью относящихся к раннеземледельческой культуре, еще более условны и предварительны, чем даты полученные непосредственно по кривой Кларка” (2, с. 26). М. В. Андреева не учитывает и непосредственно последующее наше предложение, создавая впечатление полной нашей произвольности в экстраполяции калибрационной кривой Р. М. Кларка, а между тем, мы, там же, продолжали: **“Отметим только, что подобное использование кривой Кларка для получения экстраполированных датировок не является исключительным случаем в археологической литературе”**, и, в частности, указывали на статью Ч. Ниидербергера, опубликованную в журнале “Сайенс” (2, с. 26; 5, с. 132). Необходимо добавить, что опора на чужую информацию (в данном случае нашу, к тому же восьмилетней давности), занятие далеко не безопасное; как выясняется, рецензенту не известно, что в настоящее время, уже имеются такие калибрационные кривые, которые содержат данные для исправления ^{14}C дат старше 6500 лет, например, кривая Дж. Клейна и др. (4, с. 117, 124-126), и результаты полученные вследствие использования которых не очень отличаются от наших.

Далее в рецензии читаем: “Результаты калибрации представлены в виде таблицы,... где указываются символы лабораторий, номера анализов, даты по ^{14}C и их исправленные значения. Однако здесь отсутствуют названия памятников и слоев, из которых взяты образцы, не указываются случаи повторных анализов одних и тех же образцов. Даты не сгруппированы по историческим эпохам и периодам, а даются в последовательности лабораторных номеров. Поэтому для специалиста-археолога данная таблица оказывается недостаточно информативной” (1, с. 273). Рецензент видимо не учитывает, что указанная таблица, в первую очередь, предназначена для сравнения традиционных значений ^{14}C дат с калиброванными, так как в основном тексте книги неисправленные значения ^{14}C дат, полученных из грузинских памятников, не приводятся; там эти даты даются лишь с исправленными значениями и во всех случаях сопровождаются символами лаборатории и номерами анализов, чем и предоставляется возможность для их сопоставления в упомянутой таблице с их же исходными, неисправленными ^{14}C значениями. Что касается “названия памятников и слоев, из которых взяты образцы”, а также “случаев повторных анализов одних и тех же образцов”, - именно эти данные имеются в основном тексте книги, где даты к тому же и “сгруппированы по историческим эпохам и периодам”. Так что

პრეტენზიის რეცენზენტის, ამ წარმოდგენის უსაბუთო.

მოთხრობის რეცენზენტის: “წარმოვა ამ მონაცემები, გ. ლ. კავთარაძის გადადის კონკრეტულ პრობლემას - შედგენის ქრონოლოგიური ცხრილი არქეოლოგიური კულტურების საქართველოში დასაბუთებული თარიღებით. მკითხველს შეიძლება დარჩეს გაუგებრობა, როგორ გამოიყენა მკვლევარმა მონაცემები პირველი ცხრილისთვის თავის ქრონოლოგიური კონსტრუქციისთვის. რათა გავიგოთ ეს, უნდა შევანალიზოთ მონაცემების მთელი წიგნი” (1 ს. 273, 274). მაგრამ ამ მომენტს ვაჩვენებთ ჩვენ თავი, განსაზღვრავთ მკვლევარის მიმართ დამოკიდებულებას ამ კითხვას, კერძოდ, ჩვენ ვწერთ (2, ს. 35-36): “რათა **გავიგოთ, რამდენად რეალური წარმოდგენის მიერ წარმოდგენილი ქრონოლოგიური ცხრილი (ქრონოლოგიური ცხრილი 2), უნდა გავითვალისწინოთ მონაცემები მითითებული ცხრილის არქეოლოგიური კულტურებისთვის**”, ასევე, “**მხოლოდ შემდეგ მონაცემების ანალიზის შემდეგ შეიძლება განვიხილოთ, რამდენად მიმართულია წარმოდგენის მიერ თარიღების კულტურების საქართველოში ენეოლითის და ბრინჯაოს ხანის, დასაბუთებული დასაბუთებული რადიოკარბონული თარიღების**”, და შემდეგ, რათა “**მონაცემები განვიხილოთ ცალკე-ცალკე პერიოდებში და იმავე თანმიმდევრობით და ტერმინოლოგიით, რომელიც წარმოდგენილია ქრონოლოგიური ცხრილის (ქრონოლოგიური ცხრილი 2)**”. ვხედავთ პარაფრაზირებას მკვლევარის შენიშვნების, რომლებშიც აჩვენებულია განსაზღვრული სირთულეები და არსებული ნაკლებობები, რომლებიც ქრონოლოგიური სტილის განვიხილავთ რეცენზირებაში, და შემდეგ ჩვენ უმრავლეს შემთხვევაში დავრწმუნდებით ამის.

შეიძლება, პირველი შეხედვისას, უფრო ლოგიკურად წარმოდგენილია განვიხილოთ განვიხილოთ ცხრილი ცხრილის ბოლოში წიგნში, მაგრამ ჩვენ ვაჩვენებთ, რათა ნათქვამი ცვლილებების თარიღების ცხრილების ცხრილების და მათი პერიოდების, ორი ქრონოლოგიური ცხრილი, 1 და 2, შესაბამისად დასაბუთებული ტრადიციული და დასაბუთებული ¹⁴C თარიღებით, უნდა იქნას განვიხილოთ ერთ-ერთი გვერდის განვიხილოთ, უშუალოდ წინა ტექსტის წიგნში, რათა უფრო დაეხმოს მკითხველს რადიკალური ცვლილებების თარიღებით და დაეხმოს მკითხველს უფრო კრიტიკულად.

რეცენზენტი, შენიშნავს, რათა, იმიტომ რათა რადიოკარბონული თარიღების, ქრონოლოგიური კონსტრუქციები დასაბუთებულია უფრო რთულია, დაემატება: “*შეიძლება, ცნობილია ცხრილის ქრონოლოგიური სისტემის, კონსტრუქციის დასაბუთებულია უფრო მცირე მონაცემების, მაგრამ მაინც დაეხმოს მკითხველს რათა აქტუალური იქნას მისი შექმნის*” (1, ს. 274). ვხედავთ, რეცენზენტი არ ითვალისწინებს უფრო ლოგიკურად ამ მომენტს, რათა დღემდე არსებული ქრონოლოგია, უფრო მნიშვნელოვან ხარისხში დასაბუთებულია მხოლოდ მონაცემების ტრადიციული ¹⁴C თარიღებით, რომლებიც მისი შექმნისას უფრო მცირე რაოდენობით. როგორც ეს უცხოა, რეცენზენტი უფრო დაეხმოს მკითხველს რათა არსებული ქრონოლოგია უფრო დასაბუთებულია, ვიდრე წარმოდგენილია რეცენზირებაში.

მოთხრობის რეცენზენტის, მ. ვ. ანდრეევა არ განვიხილავს პრობლემას რადიოკარბონული ¹⁴C თარიღების, პირაქით შემთხვევაში მისი შეიძლება უფრო სწორად შეაფასოს მთელი ცხრილის უსაბუთო, და შესაბამისად, ქრონოლოგიური კონსტრუქციების დასაბუთებულია

приемлемость калиброванных 14С датировок по сравнению с традиционными датами.

М. В. Андреева явно упрощает в данном случае трудности возникшие при изучении этого вопроса, создавая видимость, что все само по себе и так ясно, но пользуясь ее же словами, высказываемыми ниже, в основной части рецензии, напомним ей, что "...ошибочно было бы думать, что возможности эти лежат на поверхности и их легко реализовать" (1, с. 278). Кстати, в этой же части рецензии она уже признает, что нами рассмотрены данные ближневосточного материала, и заявляет, что рассмотрены они более подробно, чем кавказские материалы (1, с. 278, 280).

По мнению рецензента, "Возникшее противоречие между представлениями о направлении распространения культуры и датировками памятников можно разрешить, только пересмотрев первые или вторые. Этим вторым путем и следует Г. Л. Кавтарадзе" (1, с. 275). Но каждому сколько-нибудь сведущему читателю известно, что возможности эти не равноценны и ни о какой либо альтернативе здесь не может быть и речи; в вышеперечисленных памятниках Восточной Анатолии, керамика "ранней закавказской культуры" явно чужеродна. Считаем неправомерными рассуждения о каком-то "возникшем противоречии", а теоретически можно допустить и возможность пересмотра обеих, как "первых", так и "вторых".

Мнение рецензента о том, что распространившаяся в Восточной Анатолии "куро-араксская культура" "здесь... называется "ранней закавказской культурой" (1, с. 275) не совсем точно. Этот неудачный термин, введенный впервые Ч. Бёрни (6), не нашел поддержки у большинства археологов, в виду того, что ранней закавказской культурой на самом деле, как известно, является "культура Шулавери - Шому тепе", именуемая иногда и "раннеземледельческой культурой".

Противоречивы размышления рецензента по поводу структуры "Введения", в начале читаем: "В конце раздела (имеется в виду "Введение" - Г. К.) автор подходит к определению предмета и задач своего исследования. Вероятно большинство читателей предпочли бы получить все необходимые разъяснения на эту тему с самого начала". Тут все ясно, хотя и не все бесспорно, но затем рецензент продолжает: "По сложившейся традиции подобные размышления вместе с указаниями на избранный исследователем подход и объяснениями, каким образом структура предлагаемой работы способствует реализации авторского замысла, и должны составлять содержание введения. В книге Г. Л. Кавтарадзе эта традиция нарушена и как нам кажется не совсем оправданно" (1, с. 275). По крайней мере странно требовать от автора поместить в "Введении" то, что по словам самой же М. В. Андреевой, там уже имеется, даже если и "в конце раздела". Что касается "избранного нами подхода", к ее обоснованию в рецензируемой книге посвящены с. 13-27 "Введения", повествующие о сущности калибровки 14С дат и истории становления этого метода, а "объяснения, каким образом структура предлагаемой работы способствует реализации автор-

სკოგო ზამყსლა”, პრყვედენყ ნა ს. 35, 36 “ვყვედენყ”, გყე რასყყავყყაყყა ო რყყაყყყყე ზნაყყყყე ვყყყველენყ თყყყყე სყყყყყყყყყე ს მატყყყალყყა თყყ რყეყონყ დრყვენყ მყრა, ღყყყყე დატყრყვანყ პყყყედყვყყე ისტყრყყყყყყე ღრყონოლოგყ. ოთო პყყყედნყე ობსტყყყველყვყე ვ ზნაყყყყყყე სტყყყე ი პრყდოპრყველყე სტრყყყყე ოსნყვყყე ოსნყვყყე ისტყდოვანყ. პრყენზყ ჯე რყეცენზენტა, ღო “...ბოლყყყნყსტო ღყტატყლყე პრყდოპყყე ვყე პოლყყყყე ვყე ნყე ობსტყყყველყე რაზყყყნყყყე ნა ოთო თყყე (იყეყყყე ვ ვყდო ოპრყველენყ პრყდმყე ი ღადაყ ისტყდოვანყ - გ. კ.) ს სამოგო ნაყალა” (თ.ე. ნაყალა “ვყვედენყ” ვ პრყთყვოპოლყყნყსტო ოგო ᦁნყუ - გ. კ.) ნამ ღაყყყე ᦁრყყყე სუბყყეყყყყე. ᦁაყ ოყე ოტმყყალყ, ს სამყყ პერყვყ სტრყყყ, ვ ᦁნყე რასყყავყყაყყა ო სუბსტყყე ი ისტყრყე მეთოდა ᦁალიბრაციყ 14C დატ, ი ნე ნაშა ვყნა, ღო “ვყვედენყ” პერყრყსოლო ვ “ობსტყრყნყ ისტყრყოგრაფყყყყყე ოყერყ”, ა ვყყველენყ ობსტყყყველყ ოთო, ღო ვ ოტყყყველენყ ისტყრყოგრაფყყ, პო სუბსტყყე ვეტ ნყ ოდნოყ რაბოტყ დაყყყე ინფორმაციყ პო ოთო ვოპრყსო. იყნყნყ ოთყმ ობსტყყყველყვყყე ი ვყყველენყ ᦁაყტყ პუბლყყყვანყ, დო სამოგო პყყედნყე ვრყმენყ, ვ ნაშეყ არყეოლოგყყყყყე ლყტყრატყრე, ისტყდოვანყ, გყე პრყდოლყყაყყე ოპერყრყვანყ ტრადყციონნყმყ, ნეისპრყვენნყმყ 14C დატამყ, ოშიბოყნყსტო ღოტყრყყ დავნო ოყე ნე ვყყველენყ სომნყენყ, ი ნა დანნყ ᦁოტყრყყ ოსნყვყყაყყე აბსოლყტნყე ღრყონოლოგყყყყყე ოპრყველენყ თყყ ილყ ინყყ ᦁულყტყრ. ဂოთო, ს ნაშეყ თოყყყე ზრყენყ, სოვერყენნო ნედოპუსტყმო. პრყმეროვ ნე სლყდუეტ პრყვოდყე, იყ ნეტრყდნო ნაყყე ვ ვპყყატყყყყე ᦁოლყყყყე.

პრყვედენნყე ვ რყეცენზყ ვყყყავყყენყ “თეორყტყყყე ᦁარაყტყრე”, იყეყყყე პრყენზყ ოსმყყლენყ მეთოდოლოგყყყყყე ვოპრყსო “ᦁნყოგყყყყენყ” ი ნეპრყდუსოტრყენნყსტო ღოტყრყყ, პო მნყენყ რყეცენზენტა, გრყყყ რასმატრყვაყყაყყე ᦁნყე, პერყსყყავყყაყყე, ვყრყვენნყმყ ის ᦁნტყყტყ პერყფრყყრყვენნყმყ ოტრყვყყამყ (ი პოჲტო მუ ვპოლნე ადეყვატნო), ოტყდელნყე პოლყყენყ ᦁნყე “თეორყტყყყე არყეოლოგყ” ჯ.-ᦁ. გარდენა (7, ს. 208, 209, 229, 230, 234). დუმაყ მენტორსყყ თონ რყეცენზენტა, ვ დანნო სლყყაყ, ნე სოვერყ ოყმყენ, ნაპომნყ ლყშე ოყე ოდნო ვყყყავყყენყ ჯ.-ᦁ. გარდენა ᦁ თომ, ღო “არყეოლოგყ ნეფორმალყვანყ დყსყყყყენყ, ᦁნა ნე ᦁყბერნეტიყა” (7, ს. 51, 53).

პრყვედემ ოდნო ის ᦁლყვნყ ღაყმყყყე მეთოდყყყე ᦁარაყტყრე, პოყყყენნო ობსუჁდენყ სტრყყყე “ვყვედენყ”; რყეცენზენტ პყყე “...ვოზნყყაყე ნე ობსტყყყველყე ვყყყავყყე ᦁყე რაზ ობყეყისვყველენყ ი ობყეყპრყყენყ ᦁოლყყენყ, ღო პოსტანოვყ ღადაყ - ᦁრყველყყნო ვაჁყნა, ნე ᦁტყყემლყაყ ᦁაყტ ნაუყნო სოყყენყ, ტრყყყყყე ᦁლყბოყო პრყდუმყვენყ ი პრყდელნოყ ᦁყნოყყე ᦁორმულიროვოყ. ဂოლყა ᦁყენყ ისტყდოვანყ ᦁო მნოგომ ᦁპრყველენყ ᦁემ, ნასოლყო სოყყენყ რაბოტყ სოტყვესტყვყე პროვოზღაშენნყმყ ᦁეღყმ ი ვყდყვენნყმ ღადაყამ. ნედოგოვრენნოყ ვ ဂთყ ვოპრყსო ღაყტ პრყვოდყე ᦁე დეოვარყმენყმყ: ნედოსტაყნო ᦁყტო სოყენყრყენყ ᦁვტორომ ᦁყტატყლყ ნაყყენყ ისყაყყე ვ ᦁნყე თო, ღო ᦁეგო ვ ნეყ ნეტ, ღაყაყსტო პროპუსყაყ პოდლყნო ᦁაბო რაბოტყ, ნე გოვორყ ოყე ᦁ ᦁაყტნყყ ნაბლყდენყმყ”. პო მნყენყ რყეცენზენტა “ဂყე ᦁსნოვანყ ᦁოპაყყყე, ღო ნე ᦁოტო პოდობნოე მოჁეტ პრყყ-ჴოყყე ი ს ᦁნყე ᦁ. ლ. ᦁავტარადზე, იყნყნო ဂოტო ვაჁყნყ რაზდელ (პყყედნყ

страницы введения) написан недостаточно ясно” (1, с. 275) и дальше приводит цитату из нашей книги.

Для того, чтобы читатель мог самостоятельно судить насколько неясно написан “тот важный раздел”, где у нас сформулированы задачи исследования и, пользуясь словами рецензента, “насколько содержание работы соответствует провозглашенным целям и выдвинутым задачам”, воспроизведем нашу цитату, которую приводит и сама рецензент: **“Для того, чтобы определить степень реальности предложенной нами предварительной хронологической таблицы..., необходимо учесть материалы указанных в таблице археологических культур. Только после анализа материалов и можно судить насколько приемлемы предлагаемые нами датировки культур Грузии эпохи энеолита и бронзы, основанные на исправленных радиоуглеродных датировках. Ниже мы попытаемся кратко, и в пределах наших возможностей, коснуться указанного вопроса, более основательное рассмотрение которого требует специального исследования”** (2, с. 35, 36). Просим читателя запомнить эту цитату, где по-нашему убеждению, основная задача исследования сформулирована предельно ясно и четко, даже излишне упрощенно, и на этот раз уже приведем анализ этой цитаты проведенный рецензентом и постараемся попутно разобраться в нем.

“Во-первых, - пишет рецензент - сразу же надо отметить, что “реальность” и “приемлемость” предлагаемого хронологического построения - вещи хотя и близкие, но разные” (1, с. 276). Несомненно, права рецензент в том, что “реальность” и “приемлемость”... понятия, хотя и близкие, но разные, тем не менее, со своей стороны, мы должны добавить, что в данном случае это определение несомненно казуистическое, ибо рецензент упускает из виду то обстоятельство, что мы писали о “степени реальности”, а не о “реальности” предложенной нами предварительной хронологической таблицы. Претендовать на “реальность”, учитывая, к тому же, предварительный характер указанной таблицы, было бы просто немислимо. Так, что перефразируя предложение рецензента, должны ей напомнить, что “степень реальности” и “реальность” предлагаемого хронологического построения - “вещи, хотя и близкие, но разные”. К тому же, наивно было бы ожидать, что можно получить “реальные” датировки исходя лишь из физического метода датирования, да и вообще методов основывающихся на данных, в целом неархеологического характера, имеющих вспомогательное датировочное значение. О сложностях существующих в использовании подобных методов нередко предупреждают в специальной литературе.

“Реальность дат, полученных Г. Л. Кавтарадзе - продолжает рецензент - может быть подтверждена только после получения больших серий новых дат по C14 для каждого периода из памятников Грузии и соседних районов, а также после разработки подробных (а не предварительных, как существующие ныне) систем периодизации культур энеолита и бронзы Грузии и других регионов Закавказья и Анатолии, основанных на большом числе

его пояснения, своевольно оценивает их; главное, “удачно” сформулировать собственную мысль, невзирая на ее полное несоответствие с обсуждаемым.

Рецензент явно непоследовательна в своих претензиях, утверждая, что мы, якобы, ставим “глобальную задачу”, тогда как, до этого она упрекала нас в том, что мы не подвергаем анализу “основы периодизации”, использованные нами при создании хронологической таблицы, ограничиваясь ссылкой на работы других ученых, а также из-за того, что “*по существу, и, далее этому вопросу... уделяли мало внимания*” (1, с. 275, прим. 3). Но, во-первых, “*этому вопросу*” мы уделили основное внимание в III главе (“Поздний энеолит”), а, во-вторых, рецензент, видимо, не учитывает наименование и задачи нашей книги. Кроме того, мы не можем согласиться с рецензентом, что неправомерно ставить задачей исследования пересмотр всех накопленных данных хронологического характера для эпох энеолита и бронзы Грузии. В данном случае М. В. Андреева повторяется (ср. 1, с. 273), и мы, в свою очередь, вынуждены еще раз пояснить, что с методологической точки зрения, нам представляется совершенно неоправданным пересмотр датировок, не всей хронологической шкалы эпохи энеолита-бронзы, а какого-либо отдельного периода, так как в данном случае неизбежны разрывы между датировками различных культур и наложения разновременных культур на одну хронологическую плоскость. Смещение хронологического положения культур, датированных в основном посредством калиброванных ^{14}C датировок, почти всегда происходит *en bloc*, ибо исправлению подлежат все имеющиеся даты, возраст которых изменяется сколько-нибудь значительно по сравнению с интервалом надежности полученных исправленных ^{14}C дат. В нашей схеме, верхний предел новой шкалы совпадает со старой датой существующей хронологической системы - конец X в. до н.э. для верхней даты эпохи раннего железа (2, с. 151; 8, табл. LXIX), и это избавляет нас от необходимости рассмотрения большинства ^{14}C дат I тыс. до н.э., в пределах которого расхождение между традиционными и калиброванными значениями ^{14}C дат крайне незначительны, а протяженность 95% интервала надежности делает бессмысленным исправление таких дат.

Необходимым считаем, также, напомнить рецензенту, что пересмотр ранее существовавших хронологических систем для других регионов мира, при переходе от традиционных к калиброванным ^{14}C датам осуществлялись, в основном, посредством небольших статей и книг, в которых, к тому же, нередко рассматривались временные промежутки в продолжении нескольких тысяч лет, и при этом брались такие обширные регионы и части света, как Балканы, Киклады, Анатолия, Египет, Западный Иран, Ближний Восток, Европа и т.д. (9, 10, 11, 12, 13, 14, 15). Так, что в этом отношении наш труд - посвященный проблемам хронологии Грузии - выгодно отличается более полным анализом материала. Необходимость рассмотрения целого круга вопросов, привела нас к анализу тех данных, на основании которых и была составлена существующая хронологическая система Грузии

эпохи энеолита и бронзы и, несмотря на то, что нашу изначальную и главную цель составляла лишь постановка вопроса, указанное обстоятельство заставило нас попытаться переосмыслить значительную часть материала, имеющего ценность с хронологической точки зрения.

Между тем в рецензии М. И. Андреевой читаем: “Однако собственного анализа материала в работе нет. К этому выводу можно прийти еще до прочтения книги (?! - Г. К.), лишь при первом ее просмотре, Дело в том, что в русском издании полностью отсутствуют иллюстрации, в грузинском их очень мало (всего восемь небольших таблиц). Возможно это вызвано чисто внешними причинами, но для источниковедческой работы, посвященной анализу материала, это необычно” (1, с. 276). Заявление рецензента, о том, что в работе нет анализа материала, лишено оснований. Правда, в русском издании нашей книги (как и в грузинском варианте, см. 16), в соответствующих местах были указаны номера таблиц, по независящим от нас причинам, не включенных в книгу. Поэтому на последней странице исследования, непосредственно вслед за заключением, мы сообщали (2, с. 153), и рецензент не могла этого не заметить, что **“все таблицы, указанные в тексте, смотрите в книге: Г. Кавтарадзе, Хронология археологических культур Грузии эпохи энеолита и бронзы в свете новых данных. Тбилиси. 1981, табл. I-VIII (на груз. яз.)”** Рецензент упрекает нас в том, что в грузинском издании очень мало иллюстрации - всего восемь небольших таблиц - однако на этих таблицах а общей сложности иллюстрировано 138 артефакта, а это, думается, не так уж мало. Кроме того, на значительное количество обсуждаемого в книге материала, не иллюстрированного в грузинском издании, есть ссылки в примечаниях рецензируемой книги, по таблицам и рисункам их публикаций в других трудах.

Должны признаться, что мы не до конца понимаем логику рассуждения М. В. Андреевой, когда она пишет: “Основываясь на содержание глав... можно утверждать, что основным предметом исследования Г. Л. Кавтарадзе являются существующие хронологические концепции и лежащие в их основе данные, причем последние, в той мере, в какой они представлены авторами этих концепций (?! - Г. К.). Поэтому, несмотря на то, что в книге приводятся ряд новых наблюдений и сопоставлений, в целом ее жанр можно определить как критическую историографию, Историографическая направленность отчетливо видна и в структуре одного периода, и поскольку содержание ее определено имеющимися на сегодняшний день точками зрения (вне зависимости, принимает или отвергает их автор), изложение в ней строится по своему, отличному от других глав плану” (1, с. 276).

Уже с первого предложения приведенной цитаты становится ясным, что рецензент вкладывает совершенно оригинальный смысл в понятие “критическая историография”. Здесь игнорируется тот факт, что основным предметом нашего исследования является не рассмотрение существующих хронологических концепции, а выработка новой хронологической схемы основывающейся на калиброванных 14С датах и новых данных релятивной

хронологии. Книга имеет вполне определенную, отличающуюся от других трудов хронологической проблематики, задачу - создать новую, пусть рабочую хронологическую схему, основанную на совершенно независимой исследовательской базе - исправленных 14С датировках и новых данных релятивной хронологии. Это обстоятельство само по себе исключает всякую возможность использования “данных” существующих хронологических построений, “в той мере, в какой они представлены авторами этих концепции”, в противном случае мы бы получили те же датировки, уже известные по ранее представленным хронологическим системам различных авторов.

Совершенно необоснован вывод рецензента, о историографической направленности работы, заметной в самой ее структуре, и о том, что якобы изложение каждой главы, “*строится по своему, отличному от других глав плану,...* поскольку содержание ее определено имеющимся на сегодняшний день точками зрения”. В действительности все главы в книге построены по одному принципу, после перечисления памятников, относящихся к периоду, изучаемому в данной главе, представлены калиброванные 14С даты, если таковые имеются; вслед за ними рассмотрены те артефакты, которые представляют интерес своими датируемыми возможностями, затем даются 14С даты тех слоев других памятников, в которых обнаружен параллельный материал, или же указывается их предположительная датировка, коррелируемая с хронологической шкалой, основанной на данных исправленных 14С. Само собой разумеется, в разной степени в разных главах, имеет место анализ раскопчного материала.

Настаивая на историографической направленности рецензируемой работы М. В. Андреева, пишет: “Однако по самой своей сути критическая историография не может дать твердых оснований для создания новой концепции: ее цель - показать неудовлетворительность старых представлений, возможности их усовершенствования или необходимость замены. Поэтому в своей книге Г. Л. Кавтарадзе гораздо в большей мере демонстрирует возможность и “приемлемость” предлагаемой им высокой хронологии на общем фоне недостаточной обоснованности, а иногда и противоречивости существующих точек зрения, чем подтверждает “реальность” этой новой шкалы археологическими фактами” (1, с. 276). Ни в коей мере не оспаривая научную ценность историографических исследований, мы вынуждены еще раз напомнить рецензенту, что твердой основой “для создания новой концепции” (т.е. единого, определяющего замысла) нашего труда является настоятельная необходимость удревнения хронологической шкалы археологических культур Кавказа, и, в частности, Грузии, возможность реализации которого дает не критическая историография, а новые данные, с одной стороны, физического метода, именуемого радиоуглеродным датированием, а с другой стороны - предоставленная в последнее время возможность (благодаря последним раскопкам, как в Закавказье, так и в Передней Азии) корреляции хронологических построений археологических культур Кавказа

ს исторической хронологией Ближнего Востока, основывающейся на данных письменных источников. Что же касается элементов “критической историографии”, они использовались нами, как это правильно понимает и сама рецензент, в основном, для выявления как позитивного, так и неудовлетворительного в предшествующих хронологических представлениях. Но следуя логике М. В. Андреевой, подавляющую часть научных исследований пришлось бы причислить к “критической историографии”, так как, само собой разумеется, что в любом труде, имеющем своей целью постановку проблемной задачи, неизбежны элементы критической историографии.

Следует заметить, что и далее, почти на всех страницах рецензии М. В. Андреева настойчиво продолжает внушать читателю ту же мысль, что рецензируемая книга относится к жанру “критической историографии”. Так, например, касаясь вопроса о том, что в III главе, в отличие от предыдущих глав, где рассматривались возможные синхронизмы между памятниками Грузии или Закавказья и Передней Азии, мы уделяем внимание вопросу о хронологическом соотношении грузинских и северокавказских памятников куро-араксской и майкопской культур, она заявляет: “Если учесть, однако, что предметом изучения для автора являются не столько хронологические данные сами по себе, сколько их преломление в современной историографии, такой крутой поворот в изложении становится понятным” (1, с. 278). На с. 282 читаем: “В целом введение этих двух последних глав в работу (имеются в виду главы - “Средняя бронза” и “Поздняя бронза” - Г. К.) позволило придать хронологическому построению и, что еще более существенно, историографическому очерку (линия наша - Г. К.) законченный вид”. Но в то же самое время, на с. 275, рецензент противоречит себе, когда в упрек нам ставит то, что “обширный историографический очерк предпосылается” лишь вопросу калибрации радиоуглеродных дат, “но никак не всей книге в целом”, видимо, забывая, что наш труд всецело классифицируется ею как “историографический очерк”.

Какую цель преследовала М. В. Андреева, произвольно трактуя нашу работу историографическим исследованием, нам неизвестно. По меньшей мере странно зачислять в категорию историографических труд, представляющий новое хронологическое построение, который к тому же впервые, насколько нам известно, в отечественной археологической литературе основывается на исправленных (сильно расходящихся от их первоначальных значений) радиоуглеродных датировках. Кстати, в книге даются исправленные значения ^{14}C дат не только кавказских памятников, но и многих переднеазиатских и восточноевропейских. На большинстве страниц основного текста приводятся также множество новых параллелей для археологического материала рассматриваемых эпох Грузии и Закавказья. Поэтому слова рецензента о том, что в книге имеется всего лишь “ряд новых наблюдений и сопоставлений” (1, с. 276), неверны. Следует заметить, что сопоставления и синхронизмы инвентаря археологических памятников Грузии, выявленные ранее другими учеными, в рецензируемой книге рассмотрены

в большинстве случаев в новых хронологических рамках, основанных на исправленных значениях 14С дат, что и приводит к определенному, а иногда и значительному расхождению с ранее принятой датировкой для них.

Что касается заключительной части вышеприведенной цитаты рецензента, что “в своей книге Г. Л. Кавтарадзе гораздо в большей мере демонстрирует возможность и “приемлемость” предлагаемой им высокой хронологии... чем подтверждает “реальность” этой новой шкалы археологическими фактами”, то в виду того, что мы придерживаемся последовательности обсуждения имеющей место в рецензии, вынуждены еще раз напомнить рецензенту, что мы сами неоднократно подчеркивали предварительный и поисковый характер нашего труда (см. выше) и отмечали, что **“более основательное рассмотрение предлагаемых датировок требует специального исследования”** (2, с. 36), а также, что: **“насколько близка к действительности предложенная нами модернизированная хронологическая шкала... выяснится в будущем”** (2, с. 34). Это видно и из наименования нашей книги. Поэтому, критический тон рецензента в данном случае, думаем, неоправдан. В виду того, что в упомянутой цитате слово “реальность” стоит в “кавычках”, вновь приходится повторить, что мы говорили о “степени реальности”, а не о “реальности”, предложенной нами “предварительной хронологической таблицы”, понятия эти разумеется, не тождественны. Видимо, над рецензентом довлеет замечание того же Ж.-К. Гардена о том, что “для археологии особенно важно доказательства “реальности” ее построений” (7, с. 198). Однако, учитывая специфику построения хронологических систем доисторических культур, полагаем, что до применения более усовершенствованных методов физического датирования археологических источников, говорить о “реальности” какой-либо абсолютной хронологической схемы, преждевременно.

“Доказав” несостоятельность поставленной исследовательской задачи и методологическую порочность рецензируемого труда, который к тому же классифицируется как “историографическое исследование”, рецензент переходит к рассмотрению содержания отдельных глав книги.

Рецензент сетует на то, что глава I - “Ранний энеолит” - очень невелика (всего 6 с.), хотя именно памятники раннеземледельческой шулавери-шомутепинской культуры дают наибольшую серию датировок по C14 (1, с. 276). В данном случае, видимо, рецензент не учитывает нашего замечания, что даты относящиеся к раннеземледельческой культуре получены посредством экстраполяции калибровочной кривой и поэтому их значения **“еще более условны и предварительны, чем другие даты, полученные непосредственно по кривой Кларка”** (2, с. 26). Именно из-за этого обстоятельства, все даты, полученные таким образом, отмечены в книге звездочками (2, с. 28, прим. 81). Что касается справедливого замечания М. В. Андреевой, что одна из экстраполированных дат (ТВ-331, 5276±291* г. до н.э.) не использована в работе, сообщаем, что указанная дата была получена в лаборатории, когда книга уже была набрана в типографии и у нас

оставалась единственная возможность включить ее после калибровки в таблицу радиоуглеродных дат грузинских памятников. Пользуясь случаем, приводим отсутствующие в книге данные этой даты: образец получен из Арахло (Нахидури) I, II строительный горизонт, глубина 1,85 м.

Продолжая обсуждение главы рецензент пишет: “Сосредоточившись на дискуссионных моментах в изучении шулавери-шомутепинских памятников, автор почти не уделяет внимание вопросу о сопоставлении закавказских древностей с материалами ближневосточных памятников. В начале главы есть лишь краткое упоминание о **“многочисленных переднеазиатских параллелях VII-VI тысячелетий до н.э. материалам раннеэнеолитической культуры Грузии”** (указана рецензируемая книга, 2, с. 41. Здесь и дальше в цитатах из рецензии нумерация использованной литературы заменена нами - Г. К.), в конце приводится одно конкретное сопоставление налепных украшений на посуде раннеземледельческой культуры Закавказья со сходной орнаментацией керамики из северомесопотамского памятника предхассунского времени Умм Дабагия (2, с. 44). Для читателя, недостаточно хорошо знакомого с археологическими исследованиями энеолитических поселений Закавказья в последние десятилетия, - продолжает рецензент - может остаться непонятным, почему автор, располагая **“многочисленными параллелями”**, не считает нужным хотя бы перечислить их. Причина подобной сдержанности заключается прежде всего в том, что в закавказских памятниках отсутствуют категории находок, которые позволили бы достоверно синхронизировать шулавери-шомутепинскую культуру с какой-либо из переднеазиатских. Исследователи (указаны работы Р. М. Мунчаева \17\ и Т.В. Кигурадзе \18\ - Г. К.) отмечают функциональную и типологическую близость инвентаря - орудий из обсидиана, кремня и других пород камня, а также изделий из кости - к материалам раннеземледельческих памятников Ближнего Востока. Подчеркивается архаичность форм некоторых орудий, которая обуславливает сопоставление их с находками из таких ранних памятников как Али Кош, Джармо, Чатал Гуюк, Бейда. Подобные аналогии специалисты (указана работа Т. В. Кигурадзе \18, с. 171\ - Г. К.) склонны интерпретировать как свидетельство не хронологической, а стадийной близости. Что касается керамики, то, кроме отмеченного выше сходства налепной орнаментации посуды из памятников предхассунского, а также хассунского времени Северной Месопотамии с закавказской, других общих черт в этом материале не наблюдается (указана работа Р. М. Мунчаева \17, с. 113\ - Г.К.). Таким образом, - заключает рецензент - в настоящее время отсутствует возможность проверки достоверности полученных Г. Л. Кавтарадзе калиброванных дат с помощью сопоставительного анализа археологического материала” (1, с. 277).

Приносим свои извинения читателю, за столь пространную цитату, но мы были вынуждены ее воспроизвести, так как, эта цитата искажает сущность вопроса; а дело в том, что памятники шулавери-шомутепинской

культуры считались близкими лишь а стадильном отношении а не в хронологическом, с “материалами раннеземледельческих памятников Ближнего Востока”, в основном, из-за того, что по традиционным, некалиброванным 14С датам упомянутая культура датировалась V тыс. и началом IV тыс. до н.э. (за исключением датировки Шому тепе, LE-631, середина VI тыс. до н.э.). В результате поправок закавказская культура датируется уже, в основном, в пределах VI тыс. до н.э., т.е. синхронна культуре Хассуна (см. 2, с. 39, 40, прим. 100). Выхватив из контекста отдельную нашу фразу **“о многочисленных переднеазиатских параллелях VII-VI тысячелетий до н.э. материалам раннеэнеолитической культуры Грузии”** и указав, что лишь это “краткое упоминание” встречается “в начале главы”, М. В. Андреева неверно передает смысл нашей цитаты. Между тем, после перечисления исправленных 14С дат памятников шулавери-шомутепинской культуры, мы отмечали: **“Согласно данным 14С дат с поправками РЭ (здесь и далее - раннеэнеолитическая - Г. К.) культура Грузии должна быть отнесена в основном к VI тысячелетию до н.э., что должно свидетельствовать в пользу ее культурно-хронологической близости с переднеазиатскими культурами раннехалколитического периода. Культура Хассуны, проявляющая особую стадильную близость с грузинской РЭ культурой на всех ступенях ее существования (ссылка на книгу Т. В. Кигурадзе \18, с. 133\ - Г. К.), удревняется сравнительно незначительно...”** (2, с. 40). Не учла М. В. Андреева и следующее наше замечание, предшествующее тому предложению из которой она вырвала отдельную фразу: **“Примечательно, - писали мы - что А. И. Джавахшвили и Т. В. Кигурадзе были склонны перенести датировку Шулаверис гора в VI тысячелетие до н.э. на основании переднеазиатских аналогий добытых там материалов, и только отсутствие радиоуглеродных дат, относящихся к VI тысячелетию, заставило их датировать памятник V тысячелетием до н.э.”** (2, с. 41; мы ссылались при этом на их статью \19, с. 127\ - Г. К.). И уже после, а не в начале главы, находилось интересное нас предложение, где читаем: **“Вышеприведенные калиброванные 14С даты, по нашему мнению, снимают хотя бы частично противоречие между многочисленными переднеазиатскими параллелями VII-VI тысячелетий до н.э. с материалами РЭ культуры Грузии и некалиброванными 14С датами последней, которые помещаются в основном в V тысячелетии до н.э.”** (2, с. 41).

Рецензент не учитывает должным образом того обстоятельства, что стадильная близость культур двух так близко расположенных регионов, какими являются Закавказье и Северная Месопотамия, вовсе не исключает, а может быть и подразумевает, если не их синхронность, то по крайней мере, хронологическую близость между ними. Необходимо заметить, что если рецензент правильно причисляет функциональное и типологическое сходство орудий из кости, кремня и других пород камня, а также изделий из кости, обоих регионов к стадильной близости, что, разумеется, не

исключает и хронологической близости между ними, то поразительное сходство налепной орнаментации посуды закавказских и месопотамских памятников трудно объяснить лишь стадильной близостью, как впрочем и значительное сходство антропоморфных фигурок Храмис Диди гора со статуэтками памятников Северной Месопотамии (20, с. 97; 17, с. 113-115). Кстати, это последнее и немаловажное обстоятельство совершенно ускользнуло от внимания рецензента (ср. 2, с. 42, прим. 105).

Даже если сходство керамической орнаментации объяснить сходным мировоззрением племен производителей подобной керамики, что должно указывать на их родственное происхождение или же на преемственную связь между ними, это опять-таки дает возможность определенной хронологической увязки упомянутых культур. Видимо, не все моменты сходства материалов двух этих регионов следует объяснить одной стадильной близостью.

Не совсем точна рецензент, когда считает, что в конце I главы приводится лишь *“одно конкретное сопоставление налепных украшений”* керамики Закавказья и северомесопотамского памятника Умм Дабагия. Указав, что другие ученые сближают орнаменты сосудов Арахло (Нахидури) I с аналогичными орнаментами Умм Дабагия, мы со своей стороны, сравнивали с последними, в первую очередь, орнаменты имеющиеся на посуде Имирис гора и ссылались на таблицы I и II грузинского варианта нашей книги (2, с. 44 прим. 114, с. 153 прим.; 16, табл. I, II), которые, как уже отмечали, по независящим от нас причинам не вошли в русский вариант книги. На указанных таблицах приведена сходная орнаментация из обоих памятников (всего 22 образца).

Таким образом, перефразируя замечание рецензента, можно сказать, что причина нашей краткости (мы не считаем нужным перечислять *“многочисленные параллели”*), заключается *“прежде всего”* не в том, что в *“закавказских памятниках отсутствуют категории находок, которые позволили бы достоверно синхронизировать шулавери-шомутетинскую культуру с какой-нибудь из переднеазиатских”*, а в том, что мы не ставили своей целью подробно приводить в книге, тот материал, который не был использован непосредственно нами для нашего хронологического построения и широко известен из научной литературы.

То же можно сказать и по следующим претензиях рецензента, в частности, о том, что мы *“полностью отказались от описания каких-либо конкретных свойств и особенностей среднеэнеолитического материала”* (1, с. 277); что мы не рассматриваем в своей книге *“историю выделения ранних памятников куро-араксской культуры, отсылая читателей к специальной литературе”* (1, с. 279); что, к сожалению, *“не останавливаемся детально на описании двух типов керамики: “пачкающей” красноокристой посуды сиони-гремского типа и дидубе-кикетской керамики “с каштановым черепком”* (1, с. 279, прим. 5); что *“не даем анализа концепции О. М. Джсапаридзе и даже не перечисляем наблюдений, на которых она*

основывается”, и что “*существенные утверждения типа, “материал проявляет множество общих черт...,” “керамика проявляет наибольшее сходство...” подкрепляется лишь ссылками на мнения других исследователей*” (1, с. 280) и т.д. и т.п.

Видимо рецензент, определив рецензируемый труд для себя как “*историографическое исследование*”, предъявляет к нему требования, характерные для этого жанра. Но даже приняв подобную классификацию книги, было бы немыслимо удовлетворять подобные претензии, так как в этом случае нам пришлось бы написать несколько томов под названием “Археология Грузии”. Еще раз напомним название рецензируемой книги - “К хронологии эпохи энеолита и бронзы Грузии”, и надеемся, что книга по своим задачам и результатам соответствует своему названию.

Обращаясь к рассмотрению следующего периода (глава II - “Средний энеолит”) рецензент пишет: “В целом можно заключить (линия наша - Г. К.), что центр внимания в главе перенесен автором с грузинских древностей на рассмотрение традиционных проблем синхронизации памятников Азербайджана (Кюль тепе I, памятники Муганской степи) и Армении (Техут)” (1, с. 278). Тем самым создается впечатление будто мы не пытаемся синхронизировать с перечисленными памятниками грузинские материалы. Рецензент не упоминает, что именно перемещение центра внимания на азербайджанские и армянские памятники и составляет нашу исследовательскую задачу, сформулированную уже в начале главы, где мы писали, что пока среднеэнеолитический материал Грузии не обнаружен в большом количестве, для ее датировки **“целесообразно обратиться к данным таких памятников из других областей Закавказья, которые хронологический также размещаются между раннеземледельческой культурой Восточного Закавказья и куро-араксской культурой и датирование которых становится возможным на основании учета материалов, содержащих переднеазиатские параллели”** (2, с. 48). Мы исходили из того обстоятельства, что материал Грузии указанного периода сопоставляем с материалами азербайджанских и армянских памятников.

Далее М. В. Андреева заявляет: “В целом сделанные Г. Л. Кавтарадзе выводы не противоречат уже высказанным точкам зрения: Техут моложе Кюль тепе I (2, с. 55); Кюль тепе I следует датировать позднехалафским временем (2, с. 53), Техут - позднеубейдским (2, с. 56). Например, по мнению Р. М. Мунчаева, основанного на тех же самых данных, можно предположительно отнести Кюль тепе I ко времени Халафа, а Техут - к периоду Убейд” (1, с. 278; ссылка на книгу Р. М. Мунчаева \21, с. 120-122\ - Г. К.). Уже из определения самой М. В. Андреевой становится ясным, что мы, в отличие от Р. М. Мунчаева, более конкретно, хотя не исключаем, что менее основательно, датировем Кюль тепе I и Техут поздними этапами, соответственно, халафской и североубейдской культур. М. В. Андреева упрощает те сложности, которые имеются в определений датировки обсуждаемого периода. В частности, не учитывается, что в последнее время, И. Г. На-

რიმანოვი, на основании новых данных, считает возможным датировать Кюль тепе I раннехалафским временем, мы же попытались в рецензируемой книге определить собственную позицию по данному вопросу (ср. 2, с. 52-55). Видимо, это обстоятельство ускользнуло от внимания рецензента. Не учитывается в рецензии и тот факт, что исходя из общего удревнения абсолютного возраста вышеупомянутых ближневосточных культур, мы получаем для синхронных им закавказских памятников датировки, отличающиеся от ранее принятых.

Переходя к обсуждению следующей III главы - "Поздний энеолит" и упрекая нас в том, что мы "не рассматриваем... историю выделения ранних памятников куро-араксской культуры, отсылая читателей к специальной литературе", М. В. Андреева продолжает: "...по мнению Г. Л. Кавтарадзе, памятник может считаться ранним, если в нем отсутствуют материалы развитой куро-араксской культуры (чернолощенная посуда, бронзовые изделия сложных форм и т.п.). Недостаточность такой аргументации очевидна, особенно если учесть, что основной (дидубе-кикетский) материал позднеэнеолитического периода происходит из однотипных памятников (грунтовых могильников) одного района (Квемо Картли). Поэтому несколько неожиданным кажется заключение автора" - и тут приводится цитата из нашей книги: - **"...очевидно, нет оснований для сомнений в действительном существовании в раннем периоде куро-араксской культуры основной части материалов, причисляемых к раннему (позднеэнеолитическому - М. А.) этапу"** (2. с. 81). Основания для сомнений - замечает рецензент - как раз можно почерпнуть из текста" (1, с. 279). К сожалению рецензент, опять выхватив цитату из контекста, искажает ее смысл, между тем, в начале того же предложения мы подчеркивали, что **"несмотря на наличие сравнительно поздних параллелей для материалов ранней ступени куро-араксской культуры, что должно свидетельствовать о долговременном переживании указанных материалов, следует признать в свете новейших данных... что..."** и далее уже как в вышеприведенной нашей цитате. Мы имели в виду, то обстоятельство, что ямы поселений Грмахевистави и Трелигореби подтвердили факт сосуществования сосудов характерных для ранней ступени куро-араксской культуры и керамики с примесями растительного происхождения, сближающейся с энеолитической посудой Муганской степи, а также, и главнейшим образом, стратиграфические данные селища Тетрицкаро, где керамика, характерная для ранней ступени куро-араксской культуры, в нижнем слое А, встречается наряду с керамикой с растительными примесями, а в верхнем слое В продолжает сосуществовать на всем его протяжении уже с чернолощенной керамикой развитого этапа культуры Куро-Аракса. Это последнее наблюдение, наряду с другими данными, приведенными в обсуждаемой главе, доказывают ранний характер основного материала, причисляемого к раннему этапу куро-араксской культуры, а также возможность продолжительного сохранения традиции, характерной для этого этапа.

Как это не странно М. В. Андреева, указывая на то, что в рецензируемой книге, “архаическое происхождение комплекса доказывается стратиграфическими наблюдениями в Хизанаант гора и Тетрицкаро (Грузия), Эларе, Джраовите и Аревике (Армения)”, но сомневаясь в правильности отнесения некоторых памятников к раннему этапу куро-араксской культуры (1, с. 279), ничем не обосновывает свою позицию. Видимо, рецензент считает, цитируя ее же слова, что “...без новых данных, а также без скрупулезного типологического анализа материалов, прежде всего керамики, окончательно решить проблему датировки так называемых позднеэнеолитических памятников нельзя” (1, с. 279). Между тем, недавно в трех томах был опубликован труд А. Сагоны, “Эпоха ранней бронзы Кавказа” (22), где автор исходя в основном из скрупулезного типологического анализа керамического материала куро-араксской культуры, на огромной территории ее распространения, наиболее ранними памятниками этой культуры (относящимися к I фазе куро-араксской культуры, по его номенклатуре) считает грузинские памятники т.н. раннего этапа данной культуры, причисляемые обычно к позднеэнеолитическим - в частности, Дидубе, Кикети, Тетрицкаро А, Трелигореби, Грмахевистави, Кода, Хизанаант гора Е (22, с. 97-98). Как видим, А. Сагона приходит к заключению, согласующемуся с мнением, давно высказываемым грузинскими археологами.

Следует также заметить, что мы отнюдь не “стремились”, как это полагает рецензент: “...уже сейчас согласовать все противоречия (имеются в виду вопросы периодизации памятников т.н. раннего этапа куро-араксской культуры - Г. К.) с помощью “исторической” гипотезы о “долговременной консервации куро-араксских материалов на Северном Кавказе” и последующем “повторном возрождении культуры” (2, с. 75, 78) и вполне согласны с рецензентом, что это “представляется преждевременным” (1, с. 279). Механизмы сохранения “позднеэнеолитических” традиций в гончарном производстве племен куро-араксской культуры, каким образом и где они сохранились, на Северном Кавказе или в Закавказье, вероятно, определяют новые, дополнительные данные; однако само по себе, предположение о длительном сохранении характерных особенностей керамики относящейся к т.н. раннему этапу куро-араксской культуры, вопреки мнению рецензента, довольно “убедительно доказывается на основе имеющихся фактов” и не должно являться всего лишь “умозрительным” (ср. 1, с. 279). Возможности выявления подобной керамики в сравнительно поздних слоях, как выясняется, не противоречит и сама рецензент (см. 1, с. 279), на принадлежность же схожего материала к раннему этапу куро-араксской культуры указывают стратиграфические данные закавказских памятников (2, с. 61-63. 77-81). Мы вполне сознавали, что имеется определенная возможность для пересмотра датировок отдельных памятников, относящихся к раннему этапу куро-араксской культуры (ср. напр. 22, с. 98, 103), но данное обстоятельство отнюдь не означает, как это допускает рецензент, что имеются основания для сомнений в действительном существовании в раннем

периоде куро-араксской культуры основной массы материалов, причисляемых к раннему этапу указанной культуры (ср. 1, с. 279).

Рецензент полагает, что основной (дидубе-кикетский) материал происходит из однотипных памятников (грунтовых могильников) одного региона (Квемо Картли), вследствие чего этот материал - по ее мнению - недостаточен для научной аргументации при определении критериев, характеризующих памятники позднеэнеолитического периода (1, с. 279). Верно, что памятники “дидубе-кикетской” группы, характеризующиеся керамикой с “каштановым черепком” в отличие от “сион-гремской” группы (см. 1, с. 279, прим. 5), расположены в основном в одном и том же районе Грузии - Квемо Картли. Но, видимо, рецензенту не известно, что, например, селище Грмахевистави, относящееся к этой же группе памятников Квемо Картли, находится приблизительно на 100 км западнее Дидубе и Кикети, а это по масштабам Восточной Грузии не так уж мало. Также ошибается рецензент, когда думает, что указанный материал происходит из однотипных памятников - грунтовых могильников. Как известно, основная часть материала, найденного в Дидубе, Дигоми (Трелигореби), Грмахевистави, Тетрицкаро, Абелия, Коранта происходит из поселений, слои которых выявлены также, наряду с могильниками, в Кода и в Кикети.

При рассмотрении IV главы - “Ранняя бронза”, М. В. Андреева отмечает, что “важным конструктивным моментом” в нашем “построении является гипотеза О. М. Джапаридзе о постепенном проникновении элементов куро-араксской культуры из области Квемо Картли в другие области Грузии и Закавказья в целом, в Восточную Анатолию и Иран” (1, с. 280) и перечисляет последовательность и направление распространения носителей этой культуры из Закавказья в Анатолию, отмечаемые в нашей книге согласно вышеупомянутой “гипотезе” (2, с. 87; 1, с. 280). Рецензент не удовлетворяется этим и продолжает: “К сожалению, Г. Л. Кавтарадзе не дает анализа концепции О. М. Джапаридзе и даже не перечисляет наблюдений, на которых она основывается. Здесь особенно ощутим недостаток иллюстраций: существенные утверждения типа “**материал проявляет множество общих черт**” (2, с. 87), “**керамика проявляет наибольшее сходство**” (2, с. 95) подкрепляются лишь ссылками на мнения других исследователей. Поэтому для читателя остается неясным основной вопрос, - заключает рецензент - насколько своевременно использовать вышеназванную концепцию в качестве исходного постулата для хронологического построения?” (1, с. 280).

В данном случае, обвиняя нас в том, что “существенные утверждения подкрепляются - нами - лишь ссылками на мнения других исследователей”, рецензент упустила из виду тот факт, что мы сами непосредственно пытались увязать материал грузинских памятников со слоями куро-араксской культуры Восточной Анатолии, в частности, на с. 89-90 рецензируемой книги мы писали: “**В целом нижние “куро-араксские” слои Пулура (Сакель), а также Гюзеловы, по характеру найденного здесь инвен-**

таря, из всех материалов куро-араксской культуры Грузии, на наш взгляд, более всего сближаются с материалами третьей ступени эпохи ранней бронзы Самцхе-Джавахети, выделенной А. З. Орджоникидзе; как восточноанатолийские, так и самцхе-джавахетские слои характеризуются сосудами с выемчато-выпуклым орнаментом, геометрическими гравированными узорами и зооморфными изображениями, двойными рельефными спиралями, сосудами с сильно отогнутым венчиком, биконическими, а иногда трехчастно дифференцированными, сосудами, подковообразными очажными подставками с антропоморфными изображениями, статуэтками, “моделями колес”, булавами с головками в виде полумесяца и т.д.” В примечании (2, с. 90, прим. 272) указывали на иллюстративный материал из книг Х. З. Кошая (23, с. 35-85 и др.), Х. З. Кошая и Х. Вари (24, табл. IV-XXII, XXXV-LXVIII), а также диссертационной работы А. З. Орджоникидзе (25, табл. 3-14, 17, 23 и др.). Кстати, хорошо согласуются между собой и 14С даты полученные из соответственных слоев Пулура (Сакель) и Амиранис гора (2, с. 90). Исходя из вышесказанного, у нас создается впечатление, что М. В. Андреева поверхностно ознакомилась с рецензируемой ею книгой.

Когда обсуждая 14С даты куро-араксских памятников Закавказья, рецензент замечает, что по имеющимся данным *“получается, что из восьми дат половина согласуется со старой хронологией куро-араксской культуры, половина требует удревнения”* (1, с. 280), она сознательно осложняет картину. Между тем рецензенту следовало принять во внимание то обстоятельство, что 14С даты, которые мы причисляем к неверным, считались таковыми и раньше, по хронологическим построениям основывающимся на традиционных значениях 14С дат. Так, например, вторая дата Квацхелеби С (LJ-3272) была получена из того же образца, что и первая (LE-157), но через многие годы хранения, и вполне вероятно, что образец был загрязнен современным радиоуглеродом. Кроме того, если рецензент, вслед за нами, считает приемлемым учитывать при датировке материалов Грузии 14С дату, полученную из нахичеванского Кюль тепе I (1, с. 280), в той же мере ей следовало бы также принимать во внимание аналогичные даты, и в целом данные слоев “куро-араксской культуры” Ближнего Востока, в первую же очередь, - Восточной Анатолии. Тем более, что в книге мы отмечали, что ошибочность одних и приемлемость других 14С дат образцов грузинских памятников рассматриваемого периода, которые происходят **“из близких, или даже тех же самых культурных слоев... подтверждается датировками материалов куро-араксской культуры, распространенной в Передней Азии”** (2, с. 84). При определении вопроса, какая из групп 14С дат грузинских памятников куро-араксской культуры более приемлема, непременно должны принимать во внимание также 14С даты раннего этапа курганной культуры Грузии, в целом, более поздней по сравнению с куро-араксской культурой Грузии и в известном смысле предоставляющей нам возможность определения верхней даты последней. Отчасти, учитываются нами и данные археомагнитного метода датирования (2, с. 84, прим. 250).

Далее М. В. Андреева переходит к обсуждению содержания следующих двух разделов IV главы. Касаясь вопроса ранних (IV-III тыс. до н.э.) аналогий сачхерским копьям и кинжалам, медной пластинчатой диадеме из Квацхелеби, гематитовой булаве грушевидной формы и золотым обкладкам из XL кургана Триалети, рецензент пишет: *“Приведенного материала, по-видимому, достаточно, чтобы продемонстрировать непрочность хронологических привязок грузинских памятников этой поры, но его не хватает для того, чтобы считать обоснованной датировку этих памятников именно первой половиной III тыс. до н.э. Читатель, которому только что была показана (на примере копий) несостоятельность бессистемного подбора аналогий без попытки оценить их значимость, - заключает рецензент - вряд ли сочтет законной еще одну такую попытку со стороны самого автора”* (1, с. 281).

Мы никоим образом не претендуем на то, чтобы, считая обоснованной датировку ранних курганов Грузии (еще раз напомним о предварительном и поисковом характере нашего труда) не только первой половиной III тыс. до н.э., как об этом пишет рецензент, но также и серединой этого тысячелетия, как об этом указывается в самой книге, на основании типологических параллелей металлических предметов, которые, кстати, как и другие датирующие предметы в гораздо большем количестве рассмотрены для этого периода, чем об этом упоминает рецензент (2, с. 109-115). Определяя датировку II фазы эпохи ранней бронзы Грузии (по нашей номенклатуре), мы учитывали и внушительную серию 14С дат (всего 12 дат), имеющуюся для этого периода (2, с. 107-109), но об этом, в данном случае, М. В. Андреева почему-то умалчивает.

Что касается замечания рецензента о *“несостоятельности бессистемного подбора аналогий без попытки оценить их значимость”*, якобы выявленной на примере сачхерских копий, то здесь, в первую очередь, подразумеваются, несомненно, аналогии приведенные Б. А. Куфтиным (26, с. 73, 74). Оставляя в стороне неоднозначность смысловой нагрузки и нечеткую формулировку этой фразы рецензента, отметим только, что для подхода Б. А. Куфтина к датирующим возможностям сачхерского материала был характерен, именно системный подбор аналогий (само собой разумеется, в той степени, насколько позволял обнаруженный к тому времени материал). Об этом свидетельствуют параллели, отмеченные Б. А. Куфтиным между месопотамскими памятниками второй половины III тыс. до н.э. и сачхерским комплексом, наряду с выявлением тесной связи последнего с Восточным Средиземноморьем (26, с. 71-74, 79-82). Попытка *“оценить значимость”* выявленных им аналогий сачхерскому инвентарю представлена Б. А. Куфтиным на с. 81-82, той же книги: - *“Археологическая маршрутная экспедиция 1945 года в Юго-Осетию и Имеретию”*. Но более чем за тридцать лет, истекших после написания Б. А. Куфтиным этой книги (написанна она в 1946 году), нововыявленный раскопочный материал значительно удревнил, и тем самым расширил почти на тысячу лет хронологический

диапазон существования тех датирующих отличительных признаков, которые были установлены им для сачхерского инвентаря, в том числе и для копий. Именно на это обстоятельство мы и указывали, прежде всего, в рецензируемой книге (2, с. 109-113). Кроме того, на наш взгляд, рецензент была обязана учесть наше замечание сделанное в связи с типологическими параллелями металлических предметов данного периода. В частности, мы писали: **“Здесь, также как и в других разделах настоящей работы, мы касаемся только той части материалов, на датировочном значении которой основана главным образом существующая хронология рассматриваемого периода”** (1, с. 109). Таким образом выбор обсуждаемого материала, а тем самым и аналогий к нему, был заранее обусловлен самой задачей работы. А дело в том, что вследствие удревнения хронологической шкалы археологических культур Грузии, параллели и синхронизмы грузинских материалов, установленные ранее для них в материальной культуре других регионов, в большинстве случаев стали иррелевантными. Вследствие этого, в каждом отдельном случае, нам приходится пересматривать с хронологической точки зрения параллели, имеющиеся для каждого отдельного предмета, а часто находить им новые аналоги.

Обсуждая третий раздел IV главы, посвященный первым двум периодам т.н. блестящей курганной культуры Триалети, М. В. Андреева замечает: *“Цель автора - попытаться сместить датировку этих памятников во вторую половину III тыс. до н.э. Единственная калиброванная дата для кургана Сабидахча ТВ-26, 1759±269 г. до н.э. как будто не способствует этому намерению”* (1, с. 281). Создается впечатление, что мы намеревались, исходя только из этой изолированной даты, получить датировку для обсуждаемой эпохи, но, что это не так, - можно заключить даже из последующего текста рецензии, где говорится о попытке интерпретации археологических данных, имеющих датирующую ценность и встречающихся в этом разделе книги. Кроме того, для точности излагаемого рецензенту следовало бы добавить, что несоответствие указанной даты с ожидаемым было подмечено нами, в частности, мы писали: **“Дата эта моложе ожидаемой, и только ее максимальное значение с учетом “интервала надежности” - 2028 г. до н. э. - представляет нам приемлемым в качестве верхней даты III фазы РБ эпохи”** (2, с. 117).

По поводу хронологии эпохи поздней бронзы Грузии, М. В. Андреева замечает, что *“Для поздней же бронзы имеется значительное количество калиброванных дат, однако их разброс* (видимо, рецензент имела в виду “интервал надежности” дат а не их “разброс”; это становится ясным, как из последующего изложения, так и из того обстоятельства, что “разброс” дат именно в этом периоде минимален по сравнению с другими периодами, почти все они умещаются во второй половине II тыс. до н.э. - Г. К.) *не позволяет эффективно использовать эти даты для уточнения хронологии в рамках последних веков II тыс. до н.э. - и затем заключает - по-видимому,*

для столь поздней эпохи археология может представить более точные датировки, чем естественные науки”. (1, с. 282). Необходимо заметить, что сходная мысль высказывалась и в рецензируемой книге, но по отношению 14С датировок более поздней эпохи - I тыс. до н.э., на с. 25 (2) читаем: **“Даты “моложе” 2700 лет, при калибровке не дают заметной разницы, и думаем, не существует особой нужды их исправления, тем более если учесть, что значение радиоуглеродных дат при датировке археологических памятников Грузии I тысячелетия до н.э. весьма незначительно, а метод калибровки, в виду его несовершенства, малопригоден для этой эпохи”**. Учитывая то обстоятельство, что для конца II тыс. до н.э. различие между традиционными и калиброванными 14С датами составляет 200-300 лет, наша позиция в данном вопросе представляется более оправданной.

Подводя итоги, М. В. Андреева заявляет: **“Сейчас нет оснований безговорочно принимать или отвергать хронологическое построение Г. Л. Кавтарадзе. Это подчеркивает и сам автор: “Насколько близка к действительности предложенная нами модернизированная хронологическая шкала, думаем, выяснится в будущем” (2, с. 34.)**” И затем, как бы выявив нечто противоположное и несогласуемое с вышеприведенной нашей цитатой, рецензент продолжает: **“В связи с этим несколько поспешным представляется вывод, сделанный автором в кратком (на полстраницы) заключении к своей работе: “Новые датировки дают возможность по-новому осветить ряд этно-генетических, культурно-исторических и социально-экономических явлений” (2, с. 158).** Для появления такой возможности - заключает рецензент - потребуется еще большая совместная работа археологов и специалистов в области естественно-научных методов датирования” (1, с. 282).

Лично мы не видим несовместимости в содержании вышеприведенных цитат, **“новые датировки”**, представленные в книге, уже сами по себе дают возможность пересмотра ряда важнейших вопросов развития Древнего Мира. Заявляя это, мы имеем в виду то обстоятельство, что невзирая на невозможность на данном этапе определенно ответить на вопрос, насколько близки предлагаемые нами датировки к действительности, уже сейчас совершенно ясно, что общая хронологическая шкала археологических культур эпохи энеолита и бронзы Закавказья, и в частности Грузии, в целом, должна быть удревнена. Указать на настоятельную необходимость этого и имела прежде всего своей целью рецензируемая книга. В этом, как нам кажется, не сомневается и рецензент; вспомним ее высказывание о реально существующем поводе для удревнения датировок куро-араксской культуры Закавказья (1, с. 275, 281).

Полностью соглашаясь с мыслью рецензента, что для того, чтобы новые датировки дали возможность по новому осветить важнейшие явления исторического характера, **“...потребуется еще большая совместная работа археологов и специалистов в области естественно-научных методов**

датирования”, что в определенной степени перекликается с нашим заявлением о том, что **“более основательное рассмотрение”** изучаемых вопросов **“требует специального изучения”** (2, с. 36), мы считаем нужным указать на безотлагательную необходимость выработки предварительной хронологической схемы, основанной на калиброванных значениях ^{14}C дат. Выработать новую, опытную схему, по нашему мнению, следует еще до дальнейшей *“большой совместной работы археологов и специалистов в области естественно-научных методов датирования”*, на что, разумеется, потребуется не один год, а ведь хронологические построения в трудах археологического характера нужны всегда, в том числе и теперь, В настоящее время вопрос, несомненно, стоит так: какая из хронологических систем более приемлема, старая или новая? Необходимо решать, пользоваться ли старой системой, основывающейся на неисправленных традиционных ^{14}C датах, учитывать которые при датировании абсолютного возраста памятников уже не имеет никакого смысла из-за выявления существенных погрешностей в радиоуглеродном датирований, или же перестраивать всю систему на предварительные, но, к сожалению, еще довольно неточные данные исправленных, калиброванных ^{14}C дат, которые однако гораздо больше приближены к истинным, календарным датам, чем вышеупомянутые, традиционные. Весьма странно, что рецензент совершенно не касается этого вопроса, создавая ложную видимость, будто этой проблемы и не существует. Тем самым рецензия в значительной степени теряет свой смысл. Это тем более удивительно, что рецензируемая книга фактически впервые, и пока в единственном числе, в отечественной историографии рассматривает данный вопрос на конкретном археологическом материале; подобное рассмотрение запоздало у нас почти на два десятилетия, о чем, кстати, рецензент ни одним словом не удосуживается сообщить читателю. Напомним, что рахождение традиционных радиоуглеродных дат от календарных было установлено еще в середине шестидесятых годов.

Не отвечая на наиболее существенный вопрос хронологического порядка, поставленный временем, на который, в первую очередь, очевидно, и следовало бы ответить: какие ^{14}C датировки и хронологические построения, основанные на них, более соответствуют календарным - традиционные или новые, исправленные, рецензент тем самым, предлагает (по крайней мере, пока) оставить в силе прежнюю хронологическую систему, которая в значительной степени основывается на неисправленных значениях ^{14}C датировок. Но пользоваться сегодня хронологическими построениями, опирающимися на заведомо ложные исходные данные, с методологической точки зрения совершенно недопустимо. Именно на данном этапе и должны предусматриваться новые, предварительные хронологические схемы, основанные на датировках, более приближенных к истинным, чем ранее имеющиеся. Несмотря на это, мы в настоящее время исключаем возможность построения такой хронологической системы для

доисторических культур Кавказа, которая представлялась бы всеобъемлющей, достоверной и окончательно установленной. Абсолютные даты указанного времени, видимо, еще долго придется уточнять. Тем более странное впечатление оставляет заявление рецензента, что *“сейчас нет оснований безговорочно принимать или отвергать хронологическое построение”*, предлагаемое в рецензируемой книге. Ведь то обстоятельство, что нет оснований принимать предлагаемое построение, *“безговорочно”*, ясно для каждого мало-мальски сведущего в обсуждаемом вопросе читателя, да и самым автором неоднократно подчеркивалось в рецензируемой книге, как уже указывалось выше.

Отсутствие собственной позиции по обсуждаемым вопросам, ощущается, увы, на протяжении всей рецензии. Критикуя те или иные положения книги, рецензент не всегда предлагает свою точку зрения. М. В. Андреева в основном делает отдельные замечания и пожелания общего характера, не вдаваясь в конкретную археологическую проблематику. Вследствие того, что рецензия написана не по существу, нам тоже, к сожалению, пришлось в нашем ответе ограничиться рассуждениями довольно отвлеченного и общего характера.

М. В. Андреева является автором трудов, затрагивающих вопросы хронологии археологических культур Кавказа, поэтому мы вправе были ожидать от нее рецензии имеющей конструктивную ценность в дальнейшей разработке затронутых в рецензируемой книге вопросов, весьма еще далеких от окончательного решения. Тем более, можно было надеяться на принципиальную оценку нашего труда, учитывая, какое решающее значение имеет установление хронологии Кавказа, и, в частности, ее центральной части - Восточной Грузии, для разработки хронологических построений археологических культур Восточной Европы и их корреляции с ближневосточными хронологическими системами. Но то, что рецензия не подчиняется никаким методологическим критериям, видно хотя бы и из того, что в ней не указано на каком общем фоне разработки вопроса создания хронологических схем, основанных на калиброванных значениях 14С дат, была написана рецензируемая книга, а также об ее месте по отношению к другим трудам подобного же характера. Всего этого, к сожалению, в рецензии нет, из-за чего она, думаем, в значительной степени теряет свою функцию.

В заключении нельзя не признать, что, наверное, можно было написать более строгую, хотя и менее предвзятую рецензию. Мы сами, спустя почти десять лет после написания книги, видим в ней немало досадных просчетов и ошибок, незамеченных рецензентом. Тем более, не можем не выразить недоумение, следовало ли рецензенту браться за рецензирование книги, касающейся в основном тех вопросов в которых, как оказалось, она не компетентна, и тем самым вносить путаницу в и без того сложную проблему. Рецензия М. В. Андреевой необъективно оценивает как характер, концепцию книги, так и ее назначение и цель.

Библиография:

1. М. В. Андреева (рец.) - Г. Л. Кавтарадзе. К хронологии эпохи энеолита и бронзы Грузии. Тбилиси: Мецниереба, 1983, 153 с. - *Советская археология* № 4, 1987, с. 273-283.
2. Г. Л. Кавтарадзе. *К хронологии эпохи энеолита и бронзы Грузии*. Тбилиси: Мецниереба, 1983.
3. G. W. Pearson, J. R. Pilcher, M. G. L. Baillie, D. M. Corbett, F. Qua. High Precision 14C Measurement of Irish Oaks to Show the Natural 14C Variations from A.D. 1840-5210 B.C. - *Radiocarbon* 28 (2B), 1986, p. 911-934.
4. J. Klein, J. C. Lerman, P. E. Damon, E. K. Ralph. Calibration of Radiocarbon Dates: Tables Based on the Consensus Data of the Workshop on Calibrating the Radiocarbon Time Scale. - *Radiocarbon* 24 (2), 1982, p. 103-150.
5. C. Niederberger. Early Sedentary Economy in the Basin of Mexico. - *Science*, vol. 203, 1979.
6. C. A. Burney. Eastern Anatolia in the Chalcolithic and Early Bronze Age. - *Anatolian Studies*, vol. VIII, 1958 p. 157-205.
7. Ж.-К. Гарден. *Теоретическая археология*. Москва: Прогресс, 1983.
8. К. Пицхелаური. *Основные проблемы истории племен Восточной Грузии (XV-XII вв. до н.э.)*. Тбилиси: Мецниереба, 1973 (на груз. яз.).
9. C. Renfrew. Sitagroi and the Prehistory of South-East Europe. - *Antiquity*, vol. 45, 1971, p. 275-282.
10. P. P. Betancourt, B. Lawn. The Cyclades and radiocarbon chronology, in: J. A. MacGillivray and R. L. N. Barber (eds.), *The Prehistoric Cyclades: Contributions to a Workshop on Cycladic Chronology*. Edinburgh 1984, p. 277-295.
11. D. F. Easton. Towards Chronology for the Anatolian Bronze Age. - *Anatolian Studies*, vol. 26, 1976, p. 145-173.
12. I. I. M. Shaw. Egyptian Chronology and the Irish Oak Calibration. - *Journal of Near Eastern Studies*, vol. XLIV, 1985, p. 295-317.
13. E. F. F. Henrickson. An Updated Chronology of the Early and Middle Chalcolithic of the Central Zagros Highlands, Western Iran. - *Iran*, vol. 23, 1985, p. 63-108.
14. J. Mellaart. Egyptian and Near Eastern Chronology: A Dilemma? - *Antiquity*, vol. LIII, 1979, p. 6-20.
15. M. Gimbutas. The Beginning of the Bronze Age in Europe and Indo-Europeans: 3500-2500 B.C. - *Journal of Indo-European Studies*, vol. I, no. 2, 1973, p. 163-214.
16. Г. Кавтарадзе. *Хронология археологических культур Грузии эпохи энеолита и бронзы в свете новых данных*. Тбилиси: Мецниереба, 1981 (на груз. яз.).
17. Р. М. Мунчаев. Энеолит Кавказа, в кн.: *Энеолит: Археология СССР*. В. М. Массон, Н. Я. Мерперт (ред.). Москва: Наука, 1982, с. 93-164.
18. Т. Кигурадзе. *Периодизация раннеземледельческой культуры Восточного Закавказья*. Тбилиси: Мецниереба, 1976 (на груз. яз.).
19. А. Джавахишвили, Т. Кигурадзе. Раннеземледельческие селища, в кн.:

- Итоги Квемокартлийской археологической экспедиции (1965-1971).*
Тбилиси: Мецниереба, 1975 (на груз. яз.).
20. Л. И. Глonti, А. Джавахишвили, Т. Кигурадзе. Антропоморфные фигурки Храмис Диди гора. - *Вестник Государственного музея Грузии*, т. XXXI-B, 1975.
  21. Р. М. Мунчаев. *Кавказ на заре бронзового века*. Москва: Наука, 1975.
  22. A. G. Sagona. *The Caucasian Region in the Early Bronze Age*. Oxford: Oxford University Press, 1984, BAR International Series 214
  23. H. Z. Kosay. *Keban Project Pulur Kazisi 1968-1970*. Ankara, 1976.
  24. H. Z. Kosay, H. Vary. *Güzelova Kazisi*. Ankara, 1967.
  25. А. Орджоникидзе. *Самухе-Джавахеტი в эпоху ранней бронзы*. Канд. дис.: ИИАЭ АН ГССР, 1981, Архив ИИАЭ АН ГССР, № 651 (на груз. языке).
  26. Б. А. Куфтин. *Археологическая маршрутная экспедиция 1945 года в Юго-Осетию и Имеретию*. Тбилиси, 1949.

გიორგი ქავთარაძე

მ. ვ. ანდრეევას რეცენზიის გამო

(რეზიუმე)

წერილი დაწერილია 1988 წელს. იგი წარმოადგენს პასუხს მ. ვ. ანდრეევას რეცენზიაზე, რომელიც დაიბეჭდა *Советская Археология*-ში (№4, 1987, გვ. 273-283). ავტორისგან დამოუკიდებელი მიზეზების გამო განვლილ პერიოდში ვერ მოხერხდა წინამდებარე წერილის გამოქვეყნება მოსკოვისა და თბილისის სამეცნიერო ჟურნალებში.